

Суббота, 3-го июля 1904 г.

Условия подписки:

в доставкой по Москве или
в пересылке по городам:
годъ..... 8 р.—к.
6 месяцев..... 4 „ 50 „
3 „..... 2 „ 50 „
1 „..... 1 „ 70 „
1 „..... — „ 50 „
Давать № из редакционной
подписи по Москве 3 к., съ
авториз. добавленъ 5 к.
въ друг. городахъ 5 коп.

Контрагенты открыты ежедневно
для приема подписки и объя-
влений отъ 9 час. утра до 7
час. вечера.

№ 5242

ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКЦИИ № 738.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ

Ежедневная газета безъ предварительной цензуры.

Редакция и контора: Москва, Мясницкая ул., д. № 20 (наслѣдн. Ананова).

Суббота, 3-го июля 1904 г.

№ 182

Тарифъ объявленій:
За первую строку или за
мѣсто, занимаемое имъ—10 к.
на 1-й строку, 20 к. на 2-й,
оригиналы газетъ—1 руб.

Газетныя для зап. объя-
вленій открыты отъ 3—5 ч. дня

ТЕЛЕФОНЪ ТИПОГРАФИИ № 738

Телефонъ редактора № 101.

КОНЧИНА А. П. ЧЕХОВА.

(По телеграфу отъ нашего корресп.).

БАДЕНЬ-БАДЕНЬ, 2-го (15-го) июля. Въ ночь на 2-е июля, въ 3 часа, въ Баденвейлерѣ скончался Антонъ Павловичъ Чеховъ. Продолжительная болѣзнь, за развитіемъ которой съ глубокою тревогою слѣдила вся Россія, закончилась параличомъ сердца. Послѣдніе тяжелые дни Антонъ Павловичъ пробылъ въ обществѣ своей жены, известной артистки *О. Л. Книпперъ-Чеховой*, на рукахъ которой онъ и скончался.

А. П. Чеховъ.

Родился Антонъ Павловичъ 17-го января 1860 года въ Таганрогѣ.

Первоначальное образованіе получилъ въ таганрогской классической гимназій.

Вступая въ ряды студентовъ, онъ выбралъ старѣйшій въ Россіи университетъ—московскій. Поступилъ на медицинскій факультетъ и окончилъ его въ 1884 году, получивъ степень врача.

Врачомъ - практикантомъ — никогда не былъ. На службѣ тоже не былъ.

„Печататься“ Чеховъ началъ еще тогда, когда былъ студентомъ. Первые его произведенія нашли себѣ пріютъ на страницахъ юмористическихъ журналовъ *Будильникъ* и *Осколки*. Они подписаны были псевдонимомъ „Антоша Чехонте“. Затѣмъ онъ перешелъ въ *Петербургскую Газету* и нѣсколько позднѣе въ *Новое Время*.

Первый сборникъ его рассказовъ вышелъ въ 1886 году.

Въ 1887 году вышелъ второй сборникъ „Въ сумеркахъ“, которому академія присудила Пушкинскую премію. Съ этого времени началась громкая извѣстность Чехова.

Первое драматическое произведеніе Чехова, появившееся на сценѣ, была одноактная пьеса „Медвѣдь“.

Въ прошломъ году въ Москвѣ во время перваго представленія въ Художественномъ театрѣ послѣдняго произведенія Чехова „Вишневый садъ“ былъ отпразднованъ юбилей 25-лѣтней литературной дѣятельности покойнаго теперь уже писателя.

Памяти Чехова.

Даже въ эти тревожные дни тяжелаго испытанія, которые переживаемъ мы, печальная вѣсть о смерти Чехова производитъ глубокое впечатлѣніе.

На литературномъ небосклонѣ померкла звѣзда первой величины. Стало темнѣе, стало сиротливѣе.

Духовный сынъ Тургенева и внукъ Пушкина по красотѣ и блеску языка,—Чеховъ и по силѣ своего чисто-художественнаго дарованія занималъ въ рядахъ русскихъ писателей 80-хъ и 90-хъ годовъ первое мѣсто.

Вѣрно и хорошо было сказано кѣмъ-то изъ нашихъ критиковъ, что «говорить о художественномъ дарованіи Чехова—тоже, что прославлять красоту утренней звѣзды».

или румяных лучей солнечного заката».

Онъ, этотъ крупный талантъ, отмѣченный печатью несравненнаго изящества, пришелъ къ намъ полный самаго жизне-радостнаго чувства. Онъ весь сверкалъ веселымъ смѣхомъ.

Слушая этотъ смѣхъ, все заражались весельемъ, все отдыхали отъ заботъ и тревогъ.

Но это было недолго. Время шло, художникъ пристальнѣе всматривался въ жизнь, глубже проникалъ своимъ вдумчивымъ взоромъ въ тайники ея и... смѣхъ мало-по-малу покидалъ его уста, пока, наконецъ, они совсѣмъ не закрылись для него.

И вотъ съ тѣхъ-же устъ, съ какихъ еще такъ недавно срывался заразительно-веселый смѣхъ, полилась грустная, задумчивая пѣсня, полная тоски.

О чемъ тосковалъ этотъ-когда-то веселый человекъ, куда звалъ насъ онъ своею пѣсню, навѣвающей печаль?

— Не уснакаивайтесь! не давайте усыплять себя, дѣлайте добро, — говорилъ Чеховъ устами одного изъ своихъ героев («Крыжовникъ»). Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ, чѣмъ счастье. Дѣлайте добро!

И этого человека, зоващаго другихъ дѣлать добро, этого человека, тосковавшаго по новой «изящной жизни», въ пришествіе которой онъ глубоко вѣрилъ, упрекали при жизни въ отсутствіи какихъ-бы то ни было стремленій.

Это дѣлали критики-«либералы».

Критики—«консерваторы» упрекали его въ нессимизмѣ.

И тѣ и другіе, хорошо знали свои грамматики, — одни грамматику либерализма, другіе — грамматику консерватизма, — и подходили къ художнику со своими предвзятыми требованіями. Все, что выходитъ за предѣлы ихъ грамматикъ, за предѣлы изученныхъ ими трафаретовъ, все это мелко и недостойно ихъ вниманія. И Чехову до послѣднихъ дней его жизни отказывали въ признаніи идейности въ его произведеніяхъ.

Говорили, — далъ «настроеніе», но идейности упорно не признавали. Дѣлалось это, разумѣется, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», ибо всякое художественное произведеніе (а въ художественности чеховскимъ произведеніямъ никогда никто не отказывалъ) непременно есть воплощеніе той или другой идеи. Иначе быть не можетъ.

Черезъ все произведенія Чехова второго періода его литературной дѣятельности, который начался «Скучною исторіею», красною нитью проходитъ одна и та-же идея.

Самъ-же Чеховъ очень удачно и красиво сформулировалъ ее въ своемъ разсказѣ «Крыжовникъ»:

— «Принято говорить, что человеку нужно три аршина земли. Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человеку. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ-бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Эта мысль Чехова въ прижизненіи въ исторіи духовной жизни русскаго общества получаетъ огромное значеніе и имѣетъ все права сдѣлаться боевымъ кличемъ русскаго мыслящаго человека.

Оглянемся назадъ.

Въ ту пору, когда русскій человекъ впервые началъ мыслить, въ пору перваго самосознанія русскаго общества, въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія передъ нимъ ясно и определенно обозначилась цѣль его жизни, сразу придавшая ей смыслъ. Это — освобожденіе миллионъ русскаго народа изъ-подъ крѣпостного права.

Увижу-ль я народъ освобожденный.

И рабство навшее по маію Царя.

Такъ именно формулировалъ Пушкинъ заветное стремленіе передового русскаго общества 20-хъ и 30-хъ годовъ.

Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ передъ русскимъ обществомъ стояла все та-же цѣль, но стремленіе къ ней выражалось уже не робко, а могучимъ и властнымъ порывомъ. И живымъ выразителемъ этого высокаго и великаго порыва явилась вся тогдашняя русская литература, начиная отъ Григоровича, Тургенева, Бѣлинскаго и кончая Островскимъ и Львомъ Толстымъ.

Въ 60-хъ годахъ, въ эту «эпоху великихъ реформъ», русскому обществу открылось широкое поле для дѣятельности, давшей ему ясное сознаніе смысла жизни, смысла существованія. Было во что вѣрить, къ чему стремиться, надъ чѣмъ работать.

Въ 70-хъ годахъ, когда обнаружилось скептическое отношеніе нѣкоторыхъ ко всему дѣлу эпохи 60-хъ годовъ и стремленіе уничтожить все, что сдѣлано,—передъ русскимъ обществомъ открылась новая и опять-таки высокая цѣль: надо было защищать добытое шестидесятыми годами отъ враждебнаго натиска. Правда, эта цѣль уже сузила нѣсколько жизнь, но у жизни былъ все-же смыслъ и у человѣка была вѣра. Семидесятые годы—годы крупнаго недоразумѣнія, годы простодушной наивности. Въ 70-е годы люди, считавшіе себя передовыми, беззавѣтно вѣрили въ какую-то силу народа, для котораго жели, и отъ котораго ждали поддержки по защитѣ идей 60-хъ годовъ. «Народническая идея» была религіей семидесятниковъ; кличъ «въ народъ!» — было девизомъ каждаго, кто хотѣлъ жить, ощущая сознаніе смысла жизни. И тогда (о, великая наивность!) пѣли:

Но настанетъ пора,
И проснется народъ.

Настали 80-е годы. Наступила пора горькаго и обиднаго разочарованія. Все мелкое, все узкое, все духовно-нищенское въ этомъ обществѣ, воспользовавшись моментомъ, подняло голову и, почувствовавъ себя сильнымъ, почувствовавъ себя господиномъ положенія, возвысило голосъ. Раздалась страшная, именно нищенская проповѣдь:

«Наше время — не время широкихъ задачъ».

Или иначе:

«Много-ли человѣку надо,—всего три аршина земли».

Создался цѣлый культъ малыхъ дѣлъ. Напрасно противъ такой нищенски-узкой и тупой морали протестовали ветераны 60-хъ и 70-хъ годовъ. На рынкѣ русской мысли и русского слова на ихъ голоса уже не было широкаго спроса.

Только въ 90-хъ годахъ русское общество стало обнаруживать признаки протеста противъ такой жизни, ясно сознавъ, что она и является привольной, но для тѣхъ, кто поставилъ своею жизненною задачею матеріальную, наживу; все живое все духовно-красивое, такая жизнь давила и угнетала.

Вотъ у этой-то узкой и сѣрой дѣйствительности конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ. Чеховъ и взялъ свои мрачныя краски, которыми писалъ свои драмы и свои повѣсти, начиная со «Скучной исторіи».

И всѣ эти произведенія отъ начала до конца пропитаны однимъ и тѣмъ-же мотивомъ, неустанно звучащимъ въ ушахъ читателя и зрителя.

Это: «человѣкъ одаренъ разумомъ и творческою силою, чтобы преумножить то, что ему дано, но до сихъ поръ онъ не творилъ, а разрушалъ» («Дядя Ваня»).

И, рисуя намъ картины нравственнаго разрушенія, Чеховъ этимъ самымъ будилъ въ насъ страстное и неудержимое стремленіе къ новой, лучшей, широкой, творческой жизни.

Гранитовъ.